

Николай Добролюбов

Стихотворения Михаила Розенгейма

Николай Александрович Добролюбов

Стихотворения Михаила Розенгейма

Рецензия, представляя собой едва ли ее исчерпывающую характеристику поэзии М. П. Розенгейма, далеко не сводится к оценке творчества этого второстепенного поэта. Кризис самодержавно-крепостнического строя вызвал волну недовольства, охватившего все общество, в том числе и консервативные круги. Представителем такого консервативного «критицизма» выступает в рецензии Добролюбова М. П. Розенгейм, хотя различия между консервативным и либеральным обличительством не были существенны для критика-демократа: Розенгейм воспринимается им в одном ряду с либералами. Добролюбов показывает, что повторение банальностей об уважении к закону, о гнусности взяточничества и т. п., мелочность и отвлеченность обличения являются у Розенгейма проявлением не политической наивности, а стремления избежать серьезной постановки общественных проблем.

Содержание

#1	0005
Примечания	0063

**Николай Александрович
Добролюбов
Стихотворения Михаила
Розенгейма**

СПб., 1858

Несколько лет тому назад появление стихотворений г. Розенгейма было невозможно: до того литература наша стояла далеко от вопросов, которым посвящена значительная часть этих стихотворений. Появись эта книжка в то бесплодное, глухое время, когда литература наша как будто решила отречься от всякой мысли и занималась только различными сладенькими чувствованьями да книжными мелочами, появись она среди всеобщей литературной немоты и вялости, — она бы, наверное, произвела фурор неслыханный. Мы помним, что лет пять тому назад списывались и переписывались стихотворения, имевшие гораздо менее прямоты и резкости, чем, например, хоть следующие стихи, в которых г. Розенгейм заставляет беса говорить каждому сановнику: (стр. 71–72):

*Смотри: вот картина твоих преступлений,
Ряд длинный и темный неправедных дел,
Обжорства и лени, и злу послаблений.
Гляди и казнися, — ты видеть хо-*

тел.

Смотри: вот забвеньё о чести, законе,

Под гнетом достоинство, лесть почтена,

Вот страждет невинный, вот правда в загоне,

Вот общая польза жиду продана.

Смотри: вот строитель казну обирает,

Вот грабит опека наследье сирот,

Любовница краем, как хочет, играет,

Вот твой подчиненный закон продает.

А здесь клевета непощадно и грозно

Грызет и терзает – как бешеный волк —

Безумцев, что, святость присяги серьезно

Понявши, пытались исполнить свой долг.

И все это зло чрез тебя проходило,

И всюду ты руку свою приложил,
Неправда поклоном тебя подку-

пила,
Грабеж тебе долго пирами пла-
тил.
Тебе царь поверил людей миллио-
ны,
Их жизнь, достоянье, покой их и
честь —
Ты предал их в жертву твоим
приближенным,
А сам только думал попить да
поесть.

В недавнее время от этих стихов все пришли бы в восторг, не требуя от них ни поэзии, ни силы выражения, ни звучности стиха, ни правильности рифмы, – или, лучше сказать, все эти качества сумели бы найти в них, в благодарность за смелость и откровенность основной мысли. Теперь – далеко не то. Стихотворения г. Розенгейма не возвышаются по идеям своим над уровнем современной литературы, давно уже обратившей серьезное внимание на общественные вопросы, и они уже не могут нас поразить так, как поразили бы прежде. Г-н Розенгейм несколько опоздал изданием своей книжки. – Мы уж давно при-слушались к тем возгласам, которые раздают-

ся в его стихах; и проза и поэзия последнего времени постоянно из кожи лезли, чтобы внушить нам правила честности и бескорыстия, соблюдение святости присяги, любовь к правде и закону, отвращение к лени, обжорству, лжи, лести, воровству и тому подобным злоупотреблениям... Пресловутые поэты и ученые, вроде гг. Бенедиктова, Вернадского, Кокорева, Львова, Семевского, Соллогуба и т. п., протрубили нам уши, вопия о правде, гласности, взятках, свободе торговли, вреде откупов, гнусности угнетения и пр. После них уже трудно приобрести себе знаменитость на том поприще, на котором они подвизались с таким успехом. Могут еще найтись люди, которые и теперь придут в ярое восхищение от либеральных стишков г. Розенгейма. Но таких, вероятно, будет уже не столько, сколько их было бы прежде. Большая часть читателей, похваливши благонамеренность г. Розенгейма, потребует, однако же, от стихов его некоторых положительных достоинств, и прежде всего – поэзии. Г-н Розенгейм сознается, что таким требованиям он решительно не может удовлетворить. В начале книжки его

помещено стихотворение, в котором автор с похвальной откровенностью признается, что он пишет стихи *по долгу*, по желанию добра отчизне, без притязаний на искусство и что стихи его плохи{1}. Мы верим всем этим признаниям, а последнее обстоятельство можем даже подтвердить собственным свидетельством. Только нам кажется, что автор напрасно так убивается из желания добра отчизне, ибо он сам же (в стихотворении Ю. В. Ж.{2}) сознается, что стих его, нестройный и неискусный, никого не тронет, ни в ком не подымет сознания правды и добра и что песни его

*Прозвучат, ничего не посеяв,
Но приняв убежденье свое.
Может, скажут: «была в них
идея,
Но мы знали и прежде ее».*

Именно так это и будет, так и должно быть по естественному порядку вещей: само собою разумеется, что песни ничего не посеют и не привьют убеждений своих, Странно, что г. Розенгейм может требовать от своих песен таких необыкновенных вещей... Разумеется само собою и то, что если нам высказывают

идеи уже известные, да еще высказывают плохо, то поневоле скажешь, что «есть тут идея, да мы ее знали и прежде». Подобными замечаниями г. Розенгейм вовсе не должен огорчаться. Напротив, так как он пишет единственно из желания добра отчизне, то он должен радоваться, ежели окажется, что труд его уже не нужен, что то добро, которое он хотел посеять своими песнями, давно уже посеяно. С этой точки зрения мы полагаем, что все, что до сих пор нами сказано, должно быть очень приятно г. Розенгейму. Если он захочет удостоить нас своего доверия, то вместе со многими прекрасными людьми порадуется, что в немногие годы наше общество успело уже так далеко уйти, что для него перестали быть диковинкою стихотворения, подобные тем, какие сочиняет г. Розенгейм.

Но кроме прекрасных людей бывают на свете злые люди. Эти несчастные ничем не бывают довольны, потому что желания их слишком неограниченны. Их узнать чрезвычайно легко, проведши с ними какой-нибудь час. Начинается обыкновенно с того, что они жалуются, зачем им в обществе не дают гово-

ритель. Вы примете в человеке участие и как-нибудь для его утешения устройте так, что ему можно будет заговорить; он заговорит. Но на половине первой фразы кто-нибудь его перебьет и заговорит свое; он уж опять недоволен: зачем не дают ему кончить начатую фразу? Вы опять принимаетесь хлопотать и добиваетесь того, что злому человеку можно говорить без помехи. Кажется, тут бы уж он должен быть вполне доволен, потому что успел высказаться; – и дело бы, кажется, с концом... Но нет, злой человек опять недоволен: он утверждает, что слов его никто не слушает. «Да что тебе, братец, за дело до этого, слушают тебя или нет? тебе бы ведь только сказать», – возражаете вы и своим возражением только еще более бесите злого человека. Он начинает вам толковать, что он не сорока, не попугай, чтобы говорить только для процесса говорения, – что в моционе языка он вовсе не нуждается, что он говорит для того, чтобы передавать другим свои мысли, и т. н. Желая сделать угодное злому человеку, вы доставляете ему слушателей. Думаете, теперь он успокоится? Ошибаетесь: он входит в претензию,

зачем его не понимают или понимают не так. Вы находите ему людей понимающих, воображая, что этим его уже совершенно удовлетворили. Как бы не так! На понимающих-то он нападет еще с большим ожесточением, нашедши, например, что, несмотря на толковое понимание дела, в них недостаточно развито убеждение в его пользе и необходимости. Если же и убеждение в ком-нибудь окажется, злой человек и тут не удовлетворится: он потребует, чтоб убеждение показано было на деле. «Ты, однако, с ума сходишь, мой друг, – кротко замечаете вы ему, – ну, скажи на милость, для какой надобности ты гонишь всех на работу? Кажется, мог бы ты утомониться. Вспомни, сколько уже удобств приобрел ты при моем содействии: тебе дали говорить, тебя не перебивали, слушали, поняли, убедились твоими словами; чего же тебе больше! Ты бы с радостными слезами благодарности должен был принимать каждое из оказанных тебе благодеяний, а ты все в гору лезешь», И вы полагаете, что урезонили злого человека. Но увы! этих людей нельзя урезонить! Он подымается еще пуще и с убийственным спо-

койствием, под которым вы чувствуете и яд, и огонь, и пику, начинает вам доказывать, что слово без дела есть праздное слово, что если не делать, то не стоит и говорить, и т. п. Вы приходите, разумеется, в ужас и оставляете наконец злого человека, который пускается в столь опасную философию и не умеет говорить для того, чтобы говорить. Вы видите, что он не понимает приятности и пользы развить свою мысль изящно и основательно, привлечь многочисленных слушателей, опровергнуть возражения логическими доводами, заставить замолчать противников и довести их до согласия с своими положениями... Злой человек недоволен даже убеждениями, согласными с ним, если они не выражаются на деле... Разумеется, вы не дожидаетесь этого дела, бежите *от* такого человека, и прекрасно делаете, потому что в практической деятельности он еще хуже, чем в разговорах. Из самой пустой и обыкновенной вещи он сделает такую историю, что вы не рады будете, зачем с ним связались. У вас, например, зуб гнилой; гниет он уж несколько лет и побаливает так в неделю раза два, три, Вы его пользуете, ра-

зумеется, одеколоном, теплыми подушечками, ромом, спиртом, хлороформом... Ну, поболит, поболит, да и перестанет. Правда, что через день, через два опять расходится; да ведь и успокоится же опять... Ну, а пройдет несколько лет, зуб выкрошится, и боли не будет, ежели только самым лечением вы прочих зубов не испортите. Но попробуйте сказать о ваших страданиях злому человеку. Он посмотрит вам зуб: «гнилой, – так надо его выдернуть»... Вот и вся у него недолга... Да ведь пристанет к вам с участием этаким, докажет, что радикальная мера необходима, что зараз вырвать лучше, чем страдать беспрестанно... Вы поневоле должны согласиться, а между тем все-таки думаете: «Да, хорошо тебе говорить-то... Ведь не тебе будут зубы-то рвать».

Одного такого *злого человека* послала судьба мне в приятели. Ему-то я вздумал отчасти похвалить стихотворения г. Розенгейма, полагая, что он должен остаться доволен их направлением. Но, как я уже сказал, приятель мой ничем не мог быть доволен. «Что же это, – *новый талант?*» — спросил он с таким

ударением на слове «талант», что мне стало как-то неловко... Я принял самый скромный вид и стал объяснять моему приятелю:

– Нет, этого нельзя сказать. Поэтического таланта у г. Розенгейма незаметно. Его стихотворения не отличаются ни живостью образов, ни глубиной чувства, ни задушевной теплотой, ни прелестью или силой выражения... Но зато во многих его стихотворениях подняты общественные вопросы, высказаны дельные и полезные мысли...

– Да зачем же он стихами-то пишет? – перебил *злой человек*. – Верно, это неопытный юноша, утопающий в мировых мечтаниях?

– Вовсе нет. Г-н Розенгейм должен быть уже человек почтенных лет. В числе его стихотворений есть одно, служащее ответом на письмо Лермонтова^{3}. Лермонтов убит в 1841 году; человеку, который с ним переписывался, должно быть теперь уже лет около сорока. Сообразно с этим почтенным возрастом г. Розенгейм и в стихотворениях своих является весьма солидным и умеренным. Он ничего более не хочет, как только искоренения злоупотреблений и установления порядка на

религиозно-нравственном основании. Об этом он сам говорит почти в каждом стихотворении. Вот какими стихами начинается его книжка:

*Мне говорят, что я рискую,
Что слишком смело говорю.
Не верю. – Речь веду такую
Затем, что предан я царю.
Не искони ль царей державных
Сливалась слава на Руси
Со славой Руси православной?
Кто хочешь, летопись спроси.
А славу матери России
Я жарко, искренно люблю,
Затем и кривды в ней лихие
От всей души я не терплю.
Ужель я менее гражданином
И право слова потерял,
Что не покрыт высоким чином,
Что незначителен и мал?.. – и пр.*

Все стихотворение очень длинно, и потому я не стану его читать тебе (продолжал я объяснять моему злому приятелю), тем больше, что стихи, как видишь, очень плохи. Но это не мешает мыслям, высказанным в них, быть превосходными. Далее автор говорит, что вся-

кий должен исполнять свой долг и что исполняющего долг, свой нельзя презирать за дурное исполнение, если у него есть добрая воля, а только «средств и мочи не дал бог». Поэтому, говорит он, и меня никто не может презирать и порицать за дурное качество моих стихов. Я сделал что мог; лучше меня сделают другие.

*Пускай стихи мои плохие
Как звук в пространстве пропадут.
Со мной, за мной пойдут другие
И также правду понесут;
И каждый каплю правды бога
Внесет в сознание сограждан;
И капель тех сберется много,
Сберется целый океан.*

Разумеется, стихи не совсем удачны. Слова: *правду понесут* напоминают выражение *нести дичь*. «Внести в сознание сограждан океан, составленный из *капель правды бога*» – напоминает опять то же выражение. Но, во всяком случае, нельзя отвергнуть благородства побуждений, внушивших эти стихи. Вслед за тем автор объявляет, что он намерен

обличать *страсть неправого стяжанья, себялюбие и лень*. Нельзя не согласиться, что все это очень смело и благородно.

Вместе с тем нельзя не признать и другого обстоятельства, много говорящего в пользу г. Розенгейма: он не заносится далеко, он очень скромн, мало надеется на себя и всего ожидает от высшей помощи. Обличение пороков людских возбуждает в нем только благоговение к мудрости высшей, и он пишет:

*Под гнетом тяжких обличений,
В сознаньи немощи своей,
Мы клоним, господи, колени
Пред светом мудрости твоей.*

*Не помяни гордыни нашей
И суеславье отпусти,
И тем, что бренной славы краше,
Нас духом правды просвети{4}.*

Эти высокие чувства сопутствуют г. Розенгейму во всех его обличительных стихотворениях. Вообще в нем не заметно ни малейшей кичливости, столь свойственной людям, принимающимся за обличение собратий. Если он чем гордится, так это величием русского на-

рода и его славной будущностью. Он призывает всех нас:

*Покажем народам чудесный пример
Развития в недрах закона,
Без ложных стремлений, без
вздорных химер,
Под сенью могучего трона.
Пусть видит Европа, британец,
француз,
Что там плодотворна невзгода,
Где тройственный крепок и силен
союз
Меж богом, царем и народом!{5}.*

В другом стихотворении г. Розенгейм указывает на высокое назначение русского народа, который называется у него народом избранным. По его мнению, Руси назначено провидением —

*Свершить народов обновленье,
Когда германец на земле
Свои окончит разъясненья
И суемудрия во мгле,
Замрет, заглохнет Запад хилый,
В туман сомненья погружен, —
Весть в дряхлый мир живые си-*

лы

*И статья в главе земных племен
{6}.*

Прославляя таким образом Русь, г. Розенгейм чрез то самое блистательным образом опровергает тех отсталых господ, которые утверждают, будто обличение пороков своих собратий показывает отсутствие любви к отечеству и заражение идеями лукавого Запада. Г-н Розенгейм весьма ядовито отзывается о Западе, говоря;

*Посмотрите, Запад хилый,
Переживший все старик,
Остальные тратит силы
В корчах козней и интриг{7}.*

Г-н Розенгейм утверждает, что на Западе «веру, верность и правоту *подъело* коварство, злоба, зависть и нищета», что там «всякий хочет править» и потому *сдуру* Запад и полез на нас – драться...

*Мудрено ль, что им завидны
Наша слава, наш покой,
Что, отступники, бесстыдно
Угрожают нам войной?
Русь – защита царских тронов,*

*Русь – спасенье алтарей,
Правой власти оборона,
Страх и ужас мятежей;
Русь – слабейшего ограда,
Русь – безверию упрек,
Козням сильного преграда,
Безначалию урок.
Эту Русь для вас, народы,
Фабриканты мятежей,
Провозвестники свободы
Средь насилий и цепей,
Эту Русь, ее, что вечно
Как бельмо вам на глазу,
Вы не любите, конечно,
Точно школьники лозу.*

– Довольно, – проговорил мой приятель умоляющим тоном.

– Нет, погоди, – отвечал я и продолжал читать:

*Что ни будь, а, супостаты,
Вам ее не проглотить:
Нет, подавитесь, ребята,
По горбам придется бить.
Тут ведь салили уж губы
Не такие едоки...*

– Остановись, – провозгласил мой прия-

тель. – Я не могу дольше выносить твоих насмешек надо мною: ты объявил мне, что г. Розенгейм есть обличитель современного русского общества, а вместо того читаешь мне его проклятия Западу.

– Друг мой, – кротко возразил я, – мне хотелось сначала показать тебе, с какой точки зрения обличает пороки г. Розенгейм. Ты ведь любишь во всем доискиваться до коренных начал и побуждений. Дай же мне досказать то, что я начал. Г-н Розенгейм скромн в своих требованиях; любя Русь, он делает ей замечания за некоторые ее недостатки, но тем не менее ставит ее превыше всех земных племен. Он не любит тех, которые, указывая нам на пример других, требуют преобразований нашего общественного устройства. Нет, говорит он им, – не шуми:

*Что порочишь ты так бестолково, легко, —
Создано не такими людьми!{8}*

Устроено все прекрасно, но беда в том, что не во всех внедрено почтение к существующему устройству. Поэтому:

*Если зол ты на свет, точно правду любя,
То не тронь в нем порядок вещей;
Но исправь-ко сперва, мой почтенный, себя,
Отучи от неправды людей...*

При такой скромности г. Розенгейм, разумеется, не может взять на себя каких бы ни было изменений и улучшений в общественном порядке. Он считает своей обязанностью всегда идти за тем, кто идет впереди, куда бы тот ни шел. Только уже в крайнем случае решается он скромно попросить, чтоб его не завели в какую-нибудь трущобу, а доставили куда следует. Такой же точно образ действия присоветывает он и народу. Так, в стихотворении «Памятник» он заставляет весь русский народ говорить какому-то боярину:

*Будь меж нами старшой, но как
старший наш брат,
В каждом лихе у нас будешь ты
виноват,
Потому что тебе свет и сила да-
ны
И познанья, а мы – мы, боярин,
темны;*

*Потому что везде за тобою идем.
Мы неправы, – знать, ты шел
неправым путем;
Мы порочны, – то ты нам пороки
привил;
Кривда в нас завелась, – ты нас
кривде учил;
В беззаконья вдались, – ты зако-
ном играл,
Ты его оскорблять нам пример
показал.
Так ко всякому злу от тебя идет
след,
И за всякое зло ты дашь богу от-
вет.
Да, боярин, у нас ты причиной все-
го!
Кому много дано, много спросят
с того.
Так веди ж нас; а мы за тобою
пойдем.
Но веди только нас всюду правым
путем.*

– Вот уж этого я никак не ожидал! – вдруг воскликнул злой приятель мой. – Я думал, что он скажет по крайней мере: так как от тебя у нас все гадости, то уж не трудись вести нас;

лучше нам самим поискать дороги, А он вдруг заключил: так веди ж нас!.. Вот логика!..

– Друг мой, зачем замешивать логику в поэзию? – скромно заметил я.

– Да какая же тут поэзия! До сих пор не заметил я ни малейшей искры поэзии во всем, что ты читал мне. Одни только фразы, самые избитые и пошлые.

– Зачем выражаться так резко, мой друг? Вспомни, что я ведь и читал тебе именно такие места, из которых следовало тебе увидеть общие понятия г. Розенгейма. А ведь у него есть обличительные стихотворения, в которых гораздо более...

Я замялся, не зная, чего *более* в обличительных стихотворениях г. Розенгейма. Злой приятель тотчас заметил мое затруднение и, чтобы увеличить его, спросил резко:

– Какие же именно явления обличает г. Розенгейм?

Я смутился еще более, потому что вовсе не был приготовлен к такому вопросу.

– Как же – какие? – отвечал я... – Всякие... Г-н Розенгейм пишет вообще... Да вот всего лучше – пример. Я не стану читать целого стихо-

творения: все они непомерно длинны. Но вот несколько стихов:

*Край родной, избранник бога,
Ты заснул в пути;
Ты петровскою дорогой
Не сумел идти.
Заменив живое дело
Грудюю бумаг,
Ты погряз душой и телом
В формах и словах.
И, валя чрез пень-колоду,
Вечное авось
Черной немочью народу
В плоть и кровь впилося.
В каждой сделке ход привычный
—
Сбыть товар лицом;
А к успеху путь обычный —
Заднее крыльцо{9}.*

Прочитав это, я посмотрел на приятеля; злой человек этот презрительно улыбался. Я поспешил перевернуть несколько страниц.

— А вот из другого стихотворения, — сказал я, — здесь поэт обращается к «молве», называет ее криксоной-говоруньей и просит звать нас всех к правде. Затем он продолжает:

*Проникая в глубь сердец
Этим мощным зовом,
Вразуми нас наконец
Задушевым словом,
Как честным трудом найти
И честной достаток,
Что к богатству есть пути,
Кроме краж и взяток,
Что отечеству служить
Можно без поклонов;
Уваженье нам внуши
К святости законов,
Убеди, что сила царств,
Краев преуспенье, —
Честь и благо государств
В этом уваженьи.
Провозвестница начал...{10}*

– Перестань, – перебил меня злой приятель. – Как тебе не надоест читать все это? Неужели ты не понимаешь, что все это есть не более как плохое переложение в стихи очень прозаических фраз, бывших у нас в ходу года три тому назад? Если хочешь, я тебе такие переложения могу доставлять сотнями. Да вот кстати одно из них; мне принес его один юноша с просьбой передать куда-нибудь для напечатания. Не хочешь ли?

И он подал мне листок, на котором написаны были следующие стихи:

*Нет, уж нечего больше шутить,
Нет, не в силах я больше смеяться.
Надо слезы раскаянья лить
И в слезах от пятна омываться,
Что века наложили на нас...
Нам в самих себя надобно вникнуть
И исправить себя от проказ,
И на целую Русь надо крикнуть,
Что теперь наступила пора —
Да и точно она наступила —
С корнем вырвать все отрасли
зла,
Что так долго Россию губило.
Не поможешь словами теперь,
Надо действовать честно и смело.
И при этом – хороший пример
Лучше брани постыдному делу.
Честью родины кто дорожит,
Пусть пожертвует выгодой личной —
Мелкой должностью пусть не презрит
И пример всем представит от-*

личный.

Конрад Лилиеншвагер

– Немножко бессвязно, – заметил я, прочитавши стихотворение. – Впрочем, это что-то знакомое.

– Я думаю, знакомое, – отвечал мой приятель. – Может быть, ты даже рукоплескал этим фразам вместе с другими... Из «Чиновника», – добавил он особенно презрительным тоном.

Тут действительно представилось мне, что стихотворение напоминало знаменитую тираду Надимова{11}. Из любопытства я справился, и что же? Оказалось, что г. Лилиеншвагер просто переложил в стихи слова Надимова, и переложил с собачьей верностью подлиннику!.. [1]

– Но ведь это просто пошлость, – заметил я, стараясь оправдать себя в глазах злого приятеля, – а у г. Розенгейма встречаются мысли, не лишённые значения.

– Не заметил я таких мыслей, – с обычной злостью возразил мой приятель. – Но если бы и так – стоит ли из-за этого приходить в вос-

торг? Ну, попалась человеку неглупая книга, выдрал из нее тираду – и готово стихотворение. Да такие стихотворения я сам могу писать, хотя никогда не занимался стихослагательством. И я думаю, что не найдется теперь ни одного грамотного человека, который бы не смог написать таких стихов, какие пишет г. Розенгейм. Я хоть сейчас готов попробовать.

И, желая доказать свою мысль, приятель мой взял лежавшую на столе книжку «Русского вестника», развернул статью «Несколько мыслей о судопроизводстве»{12} и начал писать стихи на лоскутке бумаги. Через несколько минут он передал мне книгу. На стр. 385 прочел я следующее:

В стране, где устраивают железные дороги и пароходное движение, где поощряется устройство и развитие всяких промышленных предприятий, где сняты с народа оковы, препятствующие его свободному труду, где возвышают уровень народного воспитания, где вызывают к деятельности и движению все живые силы; в стране, которая громко просится на полезный и

свободный труд, – можно ли еще сомневаться, что в такой стране необходима адвокатура как непрременная часть преобразованного судопроизводства, как вернейшее средство в одно и то же время, обеспечить правильность и быстроту суда и открыть народной деятельности новый источник к умножению частного богатства, к полезному занятию множества юных сил?

Когда я прочитал это, приятель мой прочел мне свое стихотворение:

*Там, где строят дороги железные,
Пароходство растет каждый час,
Предприятия заводят полезные,
Поощряют промышленный класс;*

*Где оковы с народа снимаются,
Где свободный рождается труд,
Воспитание где возвышается,
К делу, к жизни все силы зовут;*

*Где повсюду заметно стремление
На свободный, полезный всем труд;
Допустить там возможно ль со-*

*мнение,
Что полезен и праведный суд*

*С непременною адвокатурою,
Как надежнейшим средством –
суду
С переделанной магистратурою
Дать и правильность и быстро-
ту,*

*И труду в то же время народно-
му
Вновь обильный источник от-
крыть
Юных сил к упражнению доходно-
му
И к возможности деньги ско-
пить!..*

– Стих мой, конечно, плох, – заметил мой приятель. – Но согласись, что все же ведь он не хуже стиха г. Розенгейма... А какая мысль-то богатая: об адвокатуре!.. Об этом еще никто не писал у нас стихов.

– Относительно мысли я с тобой не спорю, но насчет стиха позволь мне заметить, что тебе никогда не достигнуть той силы выражения, какой обладает г. Розенгейм. Вспомни —

*Что, отступники, бесстыдно...
По горбам придется бить.*

– Как! ты думаешь, что у меня нет силы выражения? Так ты еще не знаешь меня... Да хочешь ли, я прочту тебе стихи, которые вчера написал. Я их не хотел никому показывать, считая неприличными... Но когда дело коснулось силы выражения, я их прочту тебе.

И он действительно прочитал:

*Верно, ты негодяй и мошенник,
Если ты уж решился сказать,
Будто тот есть отчизны измен-
ник,
Кто на взятки посмеет вос-
стать.*

*Нет, неправда, что тот есть ско-
тина,
Ветрогон и пошлейший дурак,
Кто не алчет высокого чина,
Кто на службе не множит бумаг.*

*Кто, служба бескорыстно и чест-
но,
Не по взяткам расправу творит
И, преследуя зло повсеместно,
Чистой страстию к долгу горит.*

*Нет, не он есть отчизны губи-
тель,
Губишь ты ее, злая змея,
Губишь ты ее, вор и грабитель,
Ты, корыстный, рутинный судья.*

*Патриотом слывешь ты, надмен-
ный,
Но отчизну ты хвалишь, – губя...
О, с каким аппетитом, презрен-
ный,
По зубам бы я съездил тебя!!!*

– Ну, уж это неприлично, – воскликнул я.

– Отчего же неприлично? – возразил мой приятель. – Если *по горбам бить* полагается в поэзии, так отчего же и в зубы не съездить? Если иностранцев можно называть бесстыдниками и отступниками, так почему же своего-то не назвать вором и мошенником! Ничего, можно...

– Можно-то, конечно, можно, да что же из этого толку? Ты ведь пишешь все это на смех, и в стихах твоих так и видно отсутствие всякого поэтического чувства, всякой искренности. Напротив, г. Розенгейм, по крайней мере по его собственному признанию, говорит ис-

кренно. А, согласись, что благородные убеждения, искренно высказываемые, всегда, заслуживают убеждения, одобрения и поощрения. Ты сам года три тому назад с радостью встречал всякий новый голос, поднимавшийся в литературе в защиту правды и добра. Отчего же ты вдруг так переменялся?

– Я вовсе не переменялся, – запальчиво возразил злой приятель, – а вы обманули меня. Разумеется, слово должно предшествовать делу; поэтому, услышав ваши возгласы, я и подумал, что если вы заговорили, то, значит, и за дело скоро возьметесь. В этой надежде я и радовался и поощрял ваши возгласы. Но очень скоро они мне надоели, стали смешны и неприятны. Вы меня своими криками поставили в положение человека, которому с утра предложили приятную прогулку. Погода прекрасная, местоположение великолепное, все общество так и рвется вон из комнаты; но между тем все сидят по углам, разговаривая о предстоящей прогулке. Проходит время до завтрака; за завтраком тот же разговор, те же сборы. Все толкуют, что после прогулки и обед будет приятнее. В рассуждениях об этом

проходит все время от завтрака до обеда; за обедом все жалуются, что нет аппетита, оттого что не гуляли; собираются идти после обеда. Но после обеда все дремлют, а потом садятся за карты, все продолжая разговаривать о прогулке. Ну скажи пожалуйста, приятно такое положение? По-моему, коли идти, так идти; а ежели нельзя идти, так нечего и толковать целый день об этом. Да, пожалуй, и толкуй, наконец. Иногда это необходимо. Я сам готов одно и то же целую неделю долбить какому-нибудь дураку, который иначе не может понять, в чем дело. Да только я этим гордиться не буду, Я буду говорить: вот в каком я плачевном нахожусь положении; должен с таким дураком возиться, который ничего уразуметь не может ранее семи дней, и должен я с ним одну и ту же кашу по семи раз есть... Пожалейте, мол, меня бедного. А у вас что делается в литературе? Ведь безобразия. Каждая статьяшка фельетонная, хоть бы то было о привилегированной вакцине, непременно начинается стереотипной фразой: «В настоящее время, когда у нас возбуждено так много общественных вопросов...» Сколько уж

лет это идет... Всё вопросы задают... Вот, подумаешь, ватага глухих собралась: один другого спрашивает, а никто ни слушать, ни ответить не может. Да и вопросы-то все такие мудреные: красть или не красть? бить в рожу или не бить? молчать или говорить?.. И кто скажет: *не красть* или *говорить*, – пред тем все сейчас и кинутся на колени. Ах, говорят, как ты умен, как ты благороден, как ты велик!.. Ну, что это за безобразие!.. У меня недавно был все тот же шут – Лилиеншвагер и оставил стихи, которыми он гордится, потому что дошел собственным умом до мысли, в нем выраженной. Мысль в самом деле хорошая: не нужно, говорит, таскать платки из чужих карманов. Да вот и самые стихи:

Знаю, что правду пишу, и имен
не значу.

Кантемир{13}

*Брось ты промысел свой гнусный
Залезать в чужой карман;
Пусть мошенник ты искусный,
Но постыден ведь обман.*

По закону ты не смеешь

*Воровать чужих платков,
И часов коль не имеешь,
Так останься без часов.*

*Верь, что собственность священ-
на,
Верь, что грех и стыдно красть,
Верь, что вора непременно
Наконец посадят в часть.*

*Конрад Лилиеншвагер
25 сентября 1858 г.
3 часа и 25 минут пополудни.*

– Ты, конечно, ничего не имеешь против справедливости этой мысли, – продолжал злой приятель. – Превознеси же Конрада Лилиеншвагера за то, что он 25 сентября 1858 года в три часа и 25 минут пополудни проникся этой высокой истиной и смело объявил, что таскать из карманов платки и часы – постыдно. Прочти его стихи в кругу своих приятелей и распинайся пред ними за то, что хотя в стихах поэзии нет, но от них должно приходиться в восторг, потому что в них выражается благородное направление автора. Назови его поборником правды и честности, провозвестником здравых идей, распространителем истин-

ных понятий о чести и добродетели. Ведь все это будет чистейшая правда. И я не вижу, отчего бы г. Розенгейм, говоря, «что к богатству есть пути, кроме краж и взяток», заслуживал за это более почтения, нежели г. Лилиеншвагер, утверждающий, что «грех и стыдно красть»,

– Все это так, – возразил я. – Но ты еще не знаешь. Одной стороны, в которой особенно выражается сила таланта г. Розенгейма. У него есть «Рурские элегии» и еще несколько стихотворений, в которых он заглядывает в душу взяточников, изображает их чувства, их образ мыслей и заставляет их сокрушаться о печальном положении, в которое поставлены они новым, бескорыстным направлением, соединенным с гласностью. Я их прочту тебе.

– А длинные?

– Нет, не все. Есть, правда, и длинные. Например, «Воевода» сильно разъехался и в длину и в ширину: десять страниц стихов вот какого размера:

*Давно уж, в те годы, когда еще
черти,
Шатаясь по свету, пугали лю-*

дей, – и пр.

Но есть и коротенькие. Вот, например, четвертая элегия занимает всего три страницы.

– Нет, уж ты мне лучше так расскажи, что в них содержится. Я не в состоянии выслушать три страницы стихов г. Розенгейма.

– Да содержание их известно. В одной элегии жалуется на новое время выгнанный из службы взяточник, купивший свое место посредством какой-то Амальи Андревны. Чиновник этот невысокого полета; он рассуждает, что

*Можно, сбросив мундир, и с дво-
рецким в трактир
Завернуть и с курьером сойтись-
ся.*

– Во второй и третьей элегии рассуждает тоже маленький чиновник. Он бранит либерала столоначальника, который не хотел подписать какой-то бумаги, хотя ему *сам советник* приказывал, да утверждает, что хорошо толковать о бескорыстии сочинителям, а на службе человеку бедному, да еще семейному, невозможно обойтись без взяток.

В четвертой элегии доказывается, что взятка не есть воровство, а просто благодарность.

*Не берём же мы насильно,
Не с ножом из-за угла;
Принимаем что посылно
Нам причтется за дела.*

Согласись, что все это очень справедливо и ловко подмечено: именно таковы взгляды взяточников, именно такие оправдания они приводят. И притом заметь, что г. Розенгейм не бросается в кичливые рассуждения, в высшие взгляды; он старательно вникает в подробности, нисходит в самый ничтожный и смиренный класс взяточников и на них обращает оружие своей сатиры. В образец его тщательности можно привести сельскую идиллию «Недоимки». Здесь обличается взяточничество волостного писаря и старосты Власа. Прими в уважение, что это предмет совершенно новый в нашей литературе и далеко не ничтожный. Сам автор замечает:

*У нас писаря волостного правле-
нья
Отнюдь не безделка в быту му-
жика.*

Следовательно, весьма важно для государства, чтобы волостной писарь был человек честный, и обличение его много может продвинуть вперед благосостояние нашего земледельческого класса. Вот г. Розенгейм и описывает сбор недоимок с мужиков, да ведь с какой подробностью! Он изображает, как приходят к мужику, разговаривают с ним, сказывают, сколько на нем недоимки, как он торгуется с писарем. Писарь говорит:

*«Лежит недоимки с семьи Горбылева
Егора три гривны да восемь целковых».*

Мужик спорит, потом соглашается, упрямится, предлагает полтину за отсрочку, староста ломается, писарь велит прикинуть.

*И гривну-другую прикинет мужик,
И будто поддастся упрямый старик;
А писарь маячит: «Еще, брат, полтинку,
Так можно отсрочить и всю недоимку».*

И отсрочит. Затем г. Розенгейм излагает несколько, прекрасных мыслей о справедливости и казенном интересе.

– И ты этим восхищаешься! – вскричал мой приятель. – Ты не понимаешь, как много тяжелых и грустных мыслей возбуждает то обстоятельство, что подобные вещи находят-ся у нас еще в области *поэзии*. Разве ты не знаешь, что в Европе существуют для этого судеб-ные газеты и что случаи, подобные рассказан-ному тобой, если и служат там материалом для поэтической обработки, то никогда не на-зываются поэтическими явлениями в сыром своем виде. Да и у нас – возьми «Полицейские ведомости»; вот там настоящая поэзия: сколько грабежей, убийств, мертвых тел найдешь ты постоянно в дневнике приключений! А ес-ли тебе стихов хочется, так обратись ко мне. Я тебя познакомлю с Лилиеншвагером, и он те-перь представит стихи с такими мелкими по-дробностями, каких ты и не подозреваешь. Да вот, например, не хочешь ли прочесть:

*Одиннадцать рублей и тридцать
три копейки —*

Вот месячный оклад Степана Фо-

мича.

На что же к рождеству он шьет
жене шубейки,
А к пасхе делает четыре кулича?
Награды к праздникам он, правда,
получает;
Но много ли? Всего рублей на
пятьдесят,
И значит – это в год всего-то со-
ставляет
Сто восемьдесят шесть целко-
вых – весь оклад,
И то без четырех копеек. Но поло-
жим,
Что – круглым счетом – в год
сто восемьдесят шесть.
Мы с вами, думаю, едва ль пред-
ставить можем,
Как можно год, с женой, на это
пить и есть,
Но наш Степан Фомич наивно уве-
ряет,
Что жалованьем он одет и сыт с
женой.
Квартирку, видите, он на Песках
снимает,
И в месяц пять рублей там пла-
тит за постой,

Да учит сверх того хозяйского сы-
нишку
Письму и чтению, и за успех его
Хозяин не берет с жильцов полез-
ных лишку
И даже за воду не просит ничего.
Но все же шестьдесят рублей
ведь в год придется;
Да выйдет иа дрова не меньше
тридцати.
Вот девяносто уж. Теперь – за
стол дается
Степаном Фомичом целковых по
шести
На каждый месяц. Вот, как всё-
то сосчитаем,
И выйдет серебром сто шестьде-
сят уж два.
Потом – Степан Фомич с супру-
гой любят чаем
Согреть себя раз в день, а в празд-
ники – и два.
И выйдет в год у них четыре фун-
та чаю,
Фунт в два рубля – так на восемь
рублей;
Полпуда сахару – фунт в четвер-
так считая, —

*В год пять рублей. Притом у них
не без затей:*

*В день три копейки на белый
хлеб изводят;*

*Во сколько ж в целый год им
этот хлеб войдет?*

*Одиннадцать рублей без пятака
выходит,*

*Иль даже без гроша, коль високос-
ный год.*

*Теперь итог у них какой же будет
к году,*

*С начала до конца когда мы всё
сведем?*

*Сто восемьдесят пять рублей у
них расходу*

*И девяносто пять копеек сереб-
ром,*

*Копейкой менее, чем весь оклад
казенный!*

*Но погодите: все ведь это в год
простой.*

*А високосный год!? Вот тут-то
счет резонный*

*Степана Фомича и обличит с же-
ной.*

*Ведь в високосный год им лишних
две копейки*

Сверх жалованья их придется из-
держать
(Уж я не говорю про новые шубей-
ки
И про обычай их на пасхе пиро-
вать).
Откуда ж этот грош, Степан Фо-
мич почтенный,
Коль жалованьем вы содержи-
тесь одним,
Коль не торгуете вы долгом тем
священным,
Какой лежит на вас всем бреме-
нем своим?
Что скажете? Вы клад в земле се-
бе отрыли,
Иль с неба этот грош на бед-
ность вам ниспал?
Нет, уж довольно нас вы за нос
всех водили;
Теперь по Щедрину вас русский
свет узнал.
Узнали мы теперь, откуда вы бе-
рете
Преступные гроши, исчадия греха,
Несчастных кровь и пот вы в свой
карман кладете!
На праздник вам идет вдов и си-

рот кроха!!!
Корысти мелочной вы жертвуете
честью,
Законом, правдою, любовью к добру;
Вы существуете лишь подкупом и
лестью,
Вы падки к золоту, покорны серебру!!!
Вы все заражены иудиным пороком,
Меж вами царствует мздоимство,
лесть и ложь...
Но горе! я восстал карающим про роком,
И обличу я вас за каждый лишний грош!!!!..

– Мне кажется, что это стихотворение весьма замечательно, – с притворной важностью произнес злой приятель, когда я кончил чтение стихов. – По-моему, Лилиеншвагер дошел до такой отчетливости в самых ничтожных мелочах, до которой никто еще не доходил из русских поэтов-обличителей. И притом стихотворение его имеет важное общественное значение: в нем показывается, на каком мелочном, вздорном обстоятельстве можно ино-

гда поймать человека и открыть злоупотребление. Неужели же автор этого стихотворения не может быть поставлен наряду с гг. Розенгеймом, Бенедиктовым и т. п.? Неужели нельзя его превознести и возвеличить за то, что он проповедует благородные мысли? Ведь вы признали же возможным прославлять многих других единственно на этом основании...

– Знаешь ли что, – заметил я моему злому приятелю, – мне кажется, что тебя могут причислить к тому разряду людей, которых изображает г. Розенгейм в стихотворении «Космополиту». Под именем космополитов понимает он тех, которые «всё ругают наповал». Ведь ты тоже никогда и ничем не бываешь доволен. Но отчего происходит это недовольство? Послушай-ка, как раскрывает его причины г. Розенгейм:

*Вас терзает незначительность,
Душит, словно в горле кость,
И отсюда раздражительность,
И отсюда желчь и злость!
Есть в вас ум и часом знания,
Только сердца не дано,*

*И корыстное желание
Вами властвует одно.*

– Уж не читал ли ты прежде это стихотворение и не оттого ли ты так вооружаешься на достоинства г. Розенгейма? – прибавил я.

Приятель мой грустно улыбнулся.

– Нет, – отвечал он, – этого я не читал. Но стихи, прочитанные тобою теперь, приводят меня к заключению еще более печальному, нежели те, что ты читал мне прежде. Ты мне все толковал о благородстве убеждений, которое надо хвалить в авторе за отсутствием поэтических достоинств, и я до сих пор не мог с тобой спорить об этом основательно. Но теперь ты мне даешь оружие против себя. Скажи мне, что нужно думать об убеждениях человека, который не может понять убеждений в других? Отрицание *возможности* какого-нибудь явления всегда показывает, что это явление неведомо и непостижимо отрицающему. Если ты меня станешь уверять, что любовь есть вздор и выдумка, что она невозможна в действительности, – для меня тотчас будет ясно из этого, что ты никогда не любил. Ежели ты скажешь, что невозможно иметь в

руках казенные деньги и не поживиться ими, я вправе заключить, что тебе недоступно чувство бескорыстия. Так точно, если ты отвергаешь в людях возможность искреннего, глубокого, бескорыстного убеждения, то я вполне основательно могу вывести, что тебе самому не знакомы никакие убеждения. Такие же выводы делаю я из всех *повальных* обвинений: заметь, что лжецу всегда прежде других закрадывается в голову подозрение, не обманывают ли его; вор внимательнее осматривается, чтобы не обокрали его. Вообще доверие к искренности и благонамеренности других всегда в человеке соразмерно с сознанием собственной искренности и благонамеренности. Вот почему на меня так тяжело действует повальное обвинение, состоящее в том, что все люди известных убеждений обнаруживают эти убеждения единственно «из корыстного желания». Тот, кто произносит подобное обвинение, творит суд над самим собою.

Злой приятель мой ушел, оставив меня в решительном недоумении насчет г, Розенгейма. Он совершенно сбил меня с толку, так что я уже никак не могу теперь сказать что-ни-

будь положительное о тех стихотворениях г. Розенгейма, которые относятся к разряду общественных или *либеральных*. Одно только и могу заметить? в них нет ничего поэтического, стихи длинные, вялы и преисполнены хромыми рифмами; впрочем, читатели успели, вероятно уже и без меня это заметить. Относительно всего остального предлагаю мнение моего приятеля, предупреждая, разумеется, читателей, что кто хочет, тот может ему и не верить, ибо он есть человек злющий.

Но у г. Розенгейма не все же стихотворения посвящены общественным вопросам. Есть у него и чувствительные пьесы вроде: «Прости», «Природа», «Звуки», «Она пела, и чудные звуки» и пр. Есть и описательные – «Кавказ», «Ущелье», «Поток» и т. п. Есть эпиграммы, в образец которых можно выписать следующую:

*Скотинин, душенька, не рвись ты
на дуэль
Из страсти бешеной прославиться
героем:
Убьешь тебя – беда: звать станут
скотобоем;
А не убить нельзя – осел большая*

цель.

Без всяких обиняков назвать человека скотом и ослом – это остроумие, достойное поэта, принявшего на себя долг обличать общественные пороки!

Но особенно характерны у г. Розенгейма стихотворения эротического содержания. Каждый из читателей знает, конечно, что этот предмет – живая струна каждого, даже самого плохонького поэта. В целой книжке стихотворений может иногда быть совершенное отсутствие таланта, задушевности, искреннего чувства; но в числе пьес, внушенных чувством любви, непременно найдется хоть несколько стихов, вылившихся из сердца, хоть несколько звуков, поражающих своей теплотой и искренностью. Мало того, даже люди, вовсе не имеющие притязаний на поэтический талант, одушевляются пиитическим жаром и принимают кропать стишки, иногда недурные, когда любовь овладеет их сердцем. Под влиянием этого чувства человек становится идеальнее, чище, нежнее, свет его любви разливается на все окружающее, все для него кажется так светло и благодатно,

полнота сердечной жизни просит выражения в звуках, и каждый человек в это время чувствует на себе слова поэта:

*Cross ist das Meer und dor Himmel,
Doch grosser ist mem Herz.
Und schoener als Perlen und Sterne
Louchtet und stralilt meine Liebe [3]
{14}.*

К удивлению нашему, мы ничего подобного не встретили в стихотворениях г. Розенгейма. Ни малейшего проблеска какого-нибудь чувства, каких-нибудь стремлений, кроме напряженности животных сил организма, не заметно в эротических его стихотворениях. У него есть, например, стихотворение, обращенное к бывшему предмету любви и начинающееся стихами:

*Помнишь, друг мой, как, бывало,
Уложивши мужа спать,
Ты украдкой сбегала
Вниз ко мне... потолковать?*

Далее автор вспоминает, как он «лобзал мятежный груди вал», потом

Как, стыдливая, сначала

*Тихим ропотом своим
Ты противилась, бывало,
Ласкам бешеным моим;
Как потом, в моих объятьях, —
Что за роскошь, что за пир! (?!)
Забывала строгость братьев,
Ревность мужа, целый мир?*

Теперь уж не то, продолжает автор: мы со-старелись, браним растленье нравов и прикидываемся целомудренными.

*Но затем мы судим строго,
Что ни в ком из молодых
Нет охоты, хоть немного,
Порастлить и нас самих;
Что должны мы в горе нашем
Утешать себя порой, —
Я – модисткою Наташей,
Ты – буфетчиком Фомой...*

Предоставляем читателям определить, какого рода чувством могло быть внушено подобное стихотворение.

В таком же характере есть у г. Розенгейма другое стихотворение, «Соседка», очень длинное и разделенное на три части. В первой рассказывается, как он ездит к соседке, чтобы

только взглянуть на нее; во второй – как он подсматривал, когда соседка с сестрою купались. Когда они совсем разделись, говорит он,

*Что я видел, сказать не беруся,
Но хоть было средь белого дня,
От восторга и страсти божуся.
Потемнело в глазах у меня...*

Кровь кипела во мне ключом, и я бы отдал полжизни, – продолжает он, —

*Чтобы в игры их смело вмешать-
ся,
На себе их носить и качать,
К их роскошному телу касаться,
Их чудесные формы ласкать.
Подавляемый этим желаньем,
Чтоб беды не наделать какой (?!),
Не дождавшись конца их купанья,*

Как шальной, убежал я домой.

В третьей части того же стихотворения рассказывает автор, как он, узнав, что соседка по ночам прогуливается в саду, перелез через забор, встретил ее; она его спросила, зачем он тут; он смутился. Но —

*Щечки рдели, высоко вздымалась
Под капотиком груди волна.
Все в ней негою чудной дышало,
Все манило, звало на любовь.*

Кончилось тем, что соседка осталась с ним
в саду,

*И когда надо было уйти,
С поцелуем его отпустила
И опять наказала прийти.*

Так исполнилось желание автора – «касаться к роскошному телу соседки и ее чудесные формы ласкать».

В том же роде и другие стихотворения г. Розенгейма, Воспевающие любовь. В одном он вспоминает, как, бывало, —

*Он склонялся к деве страстной
И, забыв про свой бокал,
На груди ее атласной
Беззаботно засыпал{15}.*

В другом («Мексиканская песня») он влагает в уста девушке такие стихи:

*Я созрела, я готова
Для любви твоей.
Погляди, как в плес прибрежный*

*Море бьет волной мятежной.
Знаю две волны,
Их тревожнее движенья,
Страстной неги и томленья,
Бурные, полны...*

В третьем («Отрывки из повести») изображается женщина, у которой

*Белоснежной груди две горячих
волны
Буйно бьют о корсет, жаждой во-
ли полны.
И чего не сулит этих воли пере-
лив,
Их мятежная зыбь, их прилив и
отлив!..*

Прочитавши эти стихотворения, я даже подумал однажды: не имеют ли уже основания слова моего приятеля (любящего иногда выражаться несколько резко), что стихи г. Розенгейма представляют «не совсем ароматное пойло, настоянное на гное общественных ран и на гнилой клубничке»...

Оканчивая этим замечанием нашу донельзя растянувшуюся рецензию, укажем в заключение на одно обстоятельство, которое долж-

но пробудить деятельность наших библиографов. В «Русском вестнике» 1856 года (№ 14, отд. I, стр. 323–326) напечатаны были «Три неизданные стихотворения Лермонтова» с примечанием от редакции, в котором говорилось, что стихотворения эти доставлены ближайшей родственницей покойного поэта, что «они принадлежат к позднейшей поре его жизни и, хотя еще не получили окончательной отделки, однако и в этом виде высоко замечательны». Второе из этих стихотворений? «А годы несутся, а годы летят» – целиком вошло ныне в стихотворение г. Розенгейма «Дума» (стр. 226–228). У г. Розенгейма стихи несколько изменены, именно, во всех сделано равное количество стоп, чего в «Русском вестнике» не было. Например, вместо стиха:

Ошибок, утрат, огорчений,

у г. Розенгейма стих —

Ошибок, разлада, утрат, огорчений.

Вместо —

Что сгубло в тумане сомнений,

у г. Розенгейма —

*Что сгубло, задохлось в тумане
сомнений.*

Вместо —

Уста мои чисты и святы,

у г. Розенгейма —

Уста и перо мои чисты и святы.

Стихи —

*Всю жизнь я, казалось, старался
идти
Дорогой труда благородной,
Стыдился душою торговлю вести
.....*

изменены так:

*Всю жизнь неуклонно и честно я
шел,
Казалось, дорогой труда благо-
родной,
Не подличал сердцем – стыдился,
не вел
Душою торговли, так часто до-
ходной!..*

Судя по этим изменениям, можно думать,

что не «Русский вестник» ошибся, печатая стихотворения г. Розенгейма под именем Лермонтова, а г. Розенгейм впал в заблуждение, давая окончательную отделку стихам Лермонтова, может быть случайно оставшимся у него в руках, как у приятеля поэта{16}. Впрочем, в настоящее время, когда в нашем отечестве возбуждено так много общественных вопросов, когда в нашем обществе проявилось благородное стремление к правде и свету, когда все отделы знания достигли такой высокой степени совершенства, когда на плодотворном поприще библиографии трудится, под предводительством маститого библиофила С. П. Полторацкого, целая фаланга мужей, столь ревностных, как гг. Афанасьев, Булич, Гаевский, Галахов, Геннади, Гербель, Лазаревский, Лонгинов, Л. Майков, Тихонравов и пр. и пр., – в настоящее время, столь чреватое благотворными результатами, добываемыми во всех отраслях человеческого знания, в настоящее время – говорю – вопрос столь великой важности не может долгое время оставаться неразрешенным. Специальные органы библиографии посвятят ему, конечно, целый

ряд живых и занимательных статей; но за нами навсегда останется честь открытия столь замечательного факта. Мы с гордостью можем оглянуться на свою рецензию и сказать, что если мы даже и не сказали в ней ничего путного, то все-таки приобрели ею право на внимание потомства, ибо *поставили вопрос*, который должен занять не последнее место в истории русской библиографической науки.

Примечания

Условные сокращения

Все ссылки на произведения Н. А. Добролюбова даются по изд.: Добролюбов Н. А. Собр. соч. в 9-ти томах. М. – Л., Гослитиздат, 1961–1964, с указанием тома – римской цифрой, страницы – арабской.

Белинский – Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. I–XIII. М., Изд-во АН СССР, 1953–1959.

БДЧ – «Библиотека для чтения»

ГИХЛ – Добролюбов Н. А. Полн. собр. соч., т. I–VI. М., ГИХЛ, 1934–1941.

Изд. 1862 г. – Добролюбов Н. А. Сочинения (под ред. Н. Г. Чернышевского), т. I–IV. СПб., 1862.

ЛН – «Литературное наследство»

Материалы – Материалы для биографии Н. А. Добролюбова, собранные в 1861–1862 гг. (Н. Г. Чернышевским), т. 1. М., 1890 (т. 2 не вышел).

ОЗ – «Отечественные записки»

РБ – «Русская беседа»

РВ – «Русский вестник»

Совр. – «Современник»

Чернышевский – Чернышевский Н. Г.
Полн. собр. соч. в 15-ти томах. М., Гослитиздат, 1939–1953.

Впервые – *Совр.*, 1858, № 11, отд. II, с. 69–95.
С незначительными изменениями вошла в изд. 1862 г.

Рецензия, представляя собой едва ли ее исчерпывающую характеристику поэзии М. П. Розенгейма, далеко не сводится к оценке творчества этого второстепенного поэта. Кризис самодержавно-крепостнического строя вызвал волну недовольства, охватившего все общество, в том числе и консервативные круги. Представителем такого консервативного «критицизма» выступает в рецензии Добролюбова М. П. Розенгейм, хотя различия между консервативным и либеральным обличительством не были существенны для критика-демократа: Розенгейм воспринимается им в одном ряду с либералами (И. В. Вернадским, В. Г. Бенедиктовым и др.). Добролюбов показывает, что повторение банальностей об уважении к закону, о гнусности взяточничества

и т. п., мелочность и отвлеченность обличения являются у Розенгейма проявлением не политической наивности, а стремления избежать серьезной постановки общественных проблем.

Рецензию можно отнести к жанру критического фельетона. Сатирический портрет Розенгейма Добролюбов рисует при помощи трех созданных им образов: условного «автора», от имени которого ведется большая часть повествования, некоего «злого человека» и поэта Конрада Лилиеншвагера, недалекого, но искреннего обличителя-романтика. По предположению М. К. Лемке (см.: Добролюбов Н. А. Первое полн. собр. соч. под ред. М. К. Лемке, т. 2. СПб., 1911, стлб. 597), «немецкий» псевдоним «Лилиеншвагер» представляет собой пародийную кальку с фамилии Розенгейма: Rosen (розы) – Lilien (лилии). Oheim (дядя) – Schwager (шурин, деверь, зять). Впоследствии Добролюбов использовал этот образ в «Свистке» как одну из своих пародийных масок. «Автор» – человек ни то ни се, готовый признать и «благородство» убеждений Розенгейма, и согласиться с мнениями его антипо-

да – «злого человека», сторонника радикальных общественных решений. В образе «злого человека» Добролюбов пропагандирует тип сознания и общественного поведения своих единомышленников. Рецензия построена как диалог «автора» со «злым человеком», что придает ей динамизм и убедительность, причем доводы «автора» в пользу Розенгейма по своему не менее разоблачительны, чем саркастические замечания «злого человека». По своей жанрово-стилистической природе рецензия примыкает к выступлениям Добролюбова в «Свистке» и предвосхищает их. Видимо, рецензия произвела определенное впечатление и на самого поэта: в свой следующий поэтический сборник (1864 г.) он не включил ряд стихотворений, которые иронически цитировал Добролюбов («Ю. В. Ж», «1 января 1854 г.», «Современная дума», «Молве», «Космополиту», «Мексиканская песня» – часть из них не вошли и в другие издания произведений Розенгейма), в некоторых других стихотворениях поэт изменил или совсем исключил строки, вызвавшие насмешки Добролюбова («Мне говорят, что я рискую...», «На

развалинах Севастополя», «Вперед», «Русь! проснися, – время, время...»).

Сноски

1

Вот прозаический текст для забывчивых читателей: «Нет, графиня, шутить тут нечего. Тут ничего нет смешного, и смеяться я не в силах. Мне кажется, что тут, напротив, надо плакать, и каяться, и слезами покаяния стереть пятно, наложенное на нас веками. Надо вникнуть в самих себя, надо исправиться, надо крикнуть на всю Россию, что пришла пора, и действительно она пришла, *искоренить зло с корнями*. (В переложении эта тавтология исправлена.) Теперь словами не поможешь, надо действовать... и лучшее порицание дурному – пример хорошего. Надо, чтобы каждый из нас, кто дорожит честью своего края, пожертвовал собой и, не гнушаясь мелких должностей, в себе показывал бы другим образец».

[^^^]

2

Благие пожелания (*лат.*). – *Ред.*

[^^^]

3

Велико это море и небо, но больше их мое сердце; прекрасней, чем перлы и звезды, светит и блещет любовь моя.

[^^^]

[^^^]

Комментарии

1

Из стихотворения «Мне говорят, что я
рискую...».

[^^^]

2

Ю. В. Ж. – Ю. В. Жадовская.

[^^^]

3

«Лермонтову» («Зачем, зачем, поэт, в пылу негодованья...»).

[^^^]

4

Неточная цитата из стихотворения «Молитва».

[^^^]

5

Из стихотворения «На развалинах Севастополя (отрывок из второй песни)».

[^^^]

6

Из стихотворения «Вперед».

[^^^]

7

Эта и следующие три цитаты из стихотворения «1 января 1854 года».

[^^^]

8

Эта и следующая цитата – из стихотворения «Современная дума».

[^^^]

9

Из стихотворения «Русь! проснися, – время, время...».

[^^^]

10

Из стихотворения «Молве».

[^^^]

11

Надимов — герой пьесы В. А. Соллогуба «Чиновник» (1856).

[^^^]

12

PВ, 1858, август, кн. 2; подпись – Х. Д.

[^^^]

13

Эпиграф взят из сатиры А. Д. Кантемира «К музе своей».

[^^^]

14

Неточная цитата из стихотворения Г. Гейне «Ночью в каюте» (из цикла «Северное море»).

[^^^]

15

Из стихотворения «Н. Ф...у».

[^^^]

16

Розенгейм был не приятелем Лермонтова, а его почитателем и подражателем (историю знакомства Розенгейма с Лермонтовым см.: Лермонтовская энциклопедия. М., 1981, с. 471). Отвечая на подозрение в плагиате, высказанное здесь Добролюбовым, Розенгейм объяснил ошибочную публикацию «Русского вестника» тем, что его стихотворения распространяются в списках нередко без имени автора и поэтому иногда приписываются другим поэтам (см. «Литературное объяснение». – Санкт-Петербургские ведомости, 1859, 11 марта, № 54).

[^^^]

[^^^]